

УДК 002.2:781.24:271.22–9(571.150)

Т.Г. Казанцева

РЕПЕРТУАР И ФУНКЦИИ БОГОСЛУЖЕБНЫХ ПЕВЧЕСКИХ КНИГ В ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ СТАРОВЕРОВ-СТРАННИКОВ*

Рассматриваются певческие книги, находящиеся в библиотеке общины старообрядцев страннического согласия, проживающих на территории Кемеровской области. Дается характеристика структуры, содержания, книжного оформления трех певческих сборников, изданных в начале XX в. в типографии Преображенского богадельного дома, принадлежавшей староверам беспоповского направления. На основе анализа принятых в старообрядчестве способов вокального воспроизведения литургических текстов определяется функция нотированных и нотированных книг в процессе богослужения. Ключевые слова: литургическая практика сибирского старообрядчества, рукописи и печатные издания знаменного распева.

Среди старообрядческих согласий Сибири одним из наиболее интересных для исследователей является согласие странников, или бегунов. Обособившиеся из среды староверов-беспоповцев в середине 60-х гг. XVIII в. по вопросу о «записи в раскол» представители данного направления занимают наиболее радикальные позиции по отношению к светскому государству – «миру антихриста», стремятся к полному сохранению дораскольных норм религиозной жизни. В то же время они принципиально не ассоциируют себя со старообрядчеством, предпочитая утвердившееся самоназвание – «истинно-православные христиане странствующие». Непосредственным импульсом к формированию согласия стало проведение в 1764–1765 гг. третьей ревизии податного населения, вызвавшее острые дискуссии в среде беспоповцев. Наиболее радикальные из них придерживались мнения о том, что запись в раскол наряду с «укрывательством за попами» не совместима с истинной верой. Разделяя общее для беспоповцев учение о духовном Антихристе, представители этого направления сформулировали идею бегства от «мира антихриста». При этом, согласно концепции странников, под «побегом» следует понимать не только и не столько бегство как таковое (т.е. реальное перемещение в некоем географическом пространстве), сколько духовное странствование, а именно переход христианина на нелегальное положение. Странничество как самостоятельное согласие окончательно оформилось в 80-е гг. XVIII в. Его основателем традиционно считается вышедший из среды филипповцев инок Евфимий (ум. в 1792 г.). Однако очевидно, что Евфимий был организатором лишь одного сообщества, со-

стоящего из его собственных последователей, тогда как идея «бегства от мира» имела более широкое распространение. Данный факт позволяет допустить возникновение сразу нескольких, возможно, не связанных друг с другом, групп, сформировавшихся примерно в одно и то же время. История, догматика бегунского согласия, а также мировоззренческие основы страннического верования неоднократно освещались в исследовательской литературе. Среди публикаций по данному вопросу особо отметим труды А.И. Мальцева [1; 2. С. 436–478] и Е.Е. Дутчак [3]. Получив первоначально распространение в Ярославской, Костромской, Олонецкой и Владимирской губерниях, к концу XVIII в. странническое учение достигло уральского региона, а затем проникло в Сибирь. В настоящее время его представители проживают в Кемеровской, Томской, Новосибирской областях и на Алтае.

Согласие странников неоднородно. Среди прочих выделяется группа, сформировавшаяся в 60-е гг. XIX в. в результате раскола, произошедшего после создания руководителем одной из общин Никитой Семеновым (Киселевым) устава централизованной иерархической организации своего согласия. В соответствии с ним согласие возглавляет преимуший-старший («в пример патриарха»), во главе пределов, на которые было территориально разделено согласие, стоят предельные-старшие («в пример епископа») [4, 5]. Последователи Никиты Семенова получили наименование странников-статейников или иерархитов. В настоящей статье речь пойдет об одной из групп странников-статейников, проживающих на территории Кемеровской области. Данная традиция

* Исследование осуществляется при финансовой поддержке РГНФ, грант № 12–04–00318 а «Старообрядческие библиотеки Кузбасса: филологические и музыковедческие аспекты исследования».

привлекла наше внимание высоким уровнем литургической певческой культуры, выделяющим ее (традицию) на фоне общей тенденции угасания певческого профессионализма в среде сибирских беспоповцев. В изучаемой нами общине сохраняется пение по крюковой строке, позволяющее странникам исполнять не только стилистически простые и часто повторяемые на службах песнопения, но и наиболее сложные формы знаменного, путевого, демественного распева; до недавнего времени осуществлялось профессиональное обучение певчих крюковой грамоте, а также проводились специальные занятия по постановке певческого голоса. Сведения о методике обучения знаменному пению получены нами в ходе экспедиционной работы с представителями данной общины (см.: Архив автора. Дневник экспедиции, 2002. С. 4) и отражены в публикации [6].

Идеологическая изолированность, в свою очередь, способствовала сохранению в общине дораскольской литургической практики в наиболее аутентичной форме. Все это сделало данную певческую традицию бесценным объектом изучения, позволяющим не только составить адекватное представление о старообрядческом пении в его подлинном – не разрушенном и не «модернизированном» виде, – но и реконструировать многие, не сохранившиеся иным путем особенности церковной монодии Средневековой Руси. В результате более чем десятилетней археографической работы с представителями кемеровских странников-статейников нам удалось сформировать репрезентативную аудиоколлекцию, которая дает возможность рассматривать странническую певческую традицию в различных аспектах. Одним из них является изучение певческой книги как «материального» носителя духовно-певческой культуры старообрядцев.

Пение по крюкам с необходимостью требует наличия специальных сборников – певческих книг, в которых содержатся песнопения всех богослужебных циклов – дневного, седмичного, годовых (mineйного, осмогласного и триодного). Как известно, певческие книги до начала XX в. переписывались от руки; на рубеже XIX–XX вв. появились первые печатные издания, не отменившие, впрочем, рукописную традицию. В изучаемой общине есть небольшое количество певческих рукописей: Обиход, Ирмосы, песнопения чина за упокой в составе ненотированного сборника с чином крещения и панихиды, канон в неделю Ваий, а также многочисленные певческие азбуки. Все рукописи относятся к категории позднейших, т.е. написанных в конце XIX – первой половине XX в.

Некоторые из них (например, канон в неделю Ваий, часть певческих азбук) представляют собой школьные тетради, изготовленные в 1960–1970-х гг. В них молодые певчие самостоятельно записывали необходимый для изучения музыкальный материал [7].

Однако в богослужебной практике странники предпочитают пользоваться печатными крюковыми изданиями, считая их более авторитетными и тщательно отредактированными, то есть содержащими минимальное число ошибок и погрешностей, от которых рукописи, по их мнению, не застрахованы. Речь идет о нотных изданиях 10-х гг. XX в., осуществленных в типографии беспоповцев-федосеевцев при Преображенском богадельном доме, созданной в 1907 г. Организатором типографии был Г.К. Горбунов, управляющим – Никита Федорович Суворин. За небольшой период своей деятельности (с 1907 по 1917 г. включительно) из типографии вышло более 80 наименований книг, в том числе – перепечатки с дониконовских служебных изданий, Апокалипсис трехтолковый, Поморские ответы, выполненные с подлинника 1723 г. с фототипическим воспроизведением автографов их составителей – отцов-основателей Выгорецкого общежития. Кроме того, именно здесь впервые за всю историю беспоповского старообрядчества был издан практически полный свод песнопений знаменного распева в крюковой нотации [8. С. 406–408]. Из типографии Преображенского богадельного дома вышли Ирмологий («Ирмосы», 1-е изд. 1910 г. Первое издание Ирмология содержало ряд ошибок, что повлекло повторное исправленное издание книги в 1912 г.), Обиход («Обиходник», 1911 г.), Октоих («Октай», 1914 г.), Праздники, Трезвона, а также Азбука знаменного пения. Даты издания последних трех книг не установлены в связи с тем, что выявленные на сегодня экземпляры дефектны – в них отсутствуют содержащие «выходы» листы. Приведенный список содержит названия почти всех существовавших в рукописной традиции типов певческих книг за исключением Триодного стихираря, который так и не был издан, вероятно, в связи с закрытием типографии в 1917 г.

Признание странниками авторитетными именно этих нотных изданий обусловлено рядом причин. Во-первых, редакция данных певческих книг принадлежит старопоморской традиции, о чем, в частности, свидетельствуют их «выходы», например: «Сия с[вя]тая книга ирмосы, напечатана с ирмосов поморского письма первым тиснением в хр[и]стиянской типографии, при Преображен-

ском богадельном доме, в Москве. В лето 7418 (1910)».

Сама традиция крюкового книгописания староверов-беспоповцев сформировалась в Выго-Лексинском старообрядческом общежитии, имевшем не только наиболее грамотных литургистов и знатоков знаменного пения, но и великолепных каллиграфов и знаменщиков. Условно «поморская» традиция богослужебного пения является общей для всех генетически связанных со старопоморским беспоповских согласий – федосеевцев, новопоморцев-брачников, филипповцев и др. Странники также признают свое первоначальное единство с поморским согласием, коренящееся в уставных традициях Соловецкого монастыря. Считая современных поморцев «вероотступниками» (странники ставят в вину поморцам «запись в раскол», в результате чего, по их мнению, последние, пусть и вынужденно, но все же признали себя «раскольниками»), они тем не менее приемлют множественные положения поморского устава, начиная от организации суточного круга богослужения и заканчивая формами пения, как определенными уставом, так и сформированными литургической традицией беспоповского старообрядчества.

Во-вторых, певческие книги Преображенской печати являются единственными, где зафиксирована принятая у странников архаичная орфоэпическая норма произнесения гимнографических текстов – так называемое раздельноречие или «хомония», в которой редуцированные гласные («ер» и «ерь») не только не подверглись падению в слабых позициях, но, напротив, прояснились и перешли в полногласные «о» и «е». Данная редакция сформировалась около XV в. и была характерна исключительно для певческих текстов. Она сохранялась вплоть до церковной реформы середины XVII в. и совпавшего с ней начала книжной справы. В настоящее время эта форма пения бытует только в некоторых поморских общинах Сибири, староверы-поповцы и часовенные перешли к пению «на речь». Певческие книги преображенской печати ранее не становились предметом специального анализа музыковедов-медиевистов, предпочитающих работать с рукописным материалом. Поэтому работа их с экземплярами из страннической общинной библиотеки может послужить отправной точкой в изучении такого феномена, как старообрядческая крюковая печатная книга.

В изучаемой нами страннической литургической практике используются три книги преображенской печати: «Ирмосы», «Октай», Обиход. Они дают в целом достаточно ясное представле-

ние о сформировавшейся в начале XX в. поморской издательской традиции. Ее отличительные особенности проявляют себя как на содержательном уровне, так и в характере книжного оформления.

Рис. 1. Фронтиспис и титул крюкового Обихода

Рис. 2. Фронтиспис и титул крюкового Октоиха

Прежде всего, печатные крюковые издания в полной мере стремятся сохранить поморскую рукописную традицию. Две из них (Обиход и Октоих) открываются традиционными для поморских рукописей фронтисписом и титулом, образующими стилистически единое целое и размещенные, соответственно, на обороте первого и лицевой стороне второго листа (рис. 1 и 2). При этом фронтисписы обеих книг представляют собой один тип с незначительными вариантами деталей. Присущий ему барочный орнамент из широколистных трав, дополненный изображением северных цветов и ягод, а также птиц напрямую заимствован из рукописной поморской традиции. На ту же традицию указывает благородная цветовая гамма: золото, холодный оттенок красного, зеленовато-голубой. Орнамент реализует идею круга (овала),

угловые элементы симметричны по вертикали, но не по горизонтали. В центре в округлой раме размещено само название книги: «Книга глаголемая Обиходник» и «Книга глаголемая Октай» соответственно. Можно предположить, что фронтиспис первоначально был изготовлен для Обихода, а затем повторно использован в Октоихе.

Рис. 3. Титульный лист крюкового Ирмология

Рис. 4. Оформление концовки, горизонтальной заставки и инициала в крюковом Обиходе

Рис. 5. Инициал в начале песнопений 1-го гласа в крюковом Ирмологии

Титул выполнен в форме заставки-рамки того же стиля, но уже прямоугольной формы. В Обиходе заставка-рамка сопровождается вертикальным цветком на правом поле. Такое совмещение на титуле двух вариантов заставок является приметой поморской рукописной традиции: в книгах староверов-поповцев цветок перенесен, как правило, на оборот титула в начало собственно гимнографического текста. В Октоихе и более раннем по изданию Ирмологии (рис. 3) данная деталь отсутствует. В наиболее сложно организованной, многосоставной книге Обиход заставки-рамки используются неоднократно, открывая некоторые важные ее разделы: группу величаний Господским, Богородичным праздникам и нарочитым святым (л. 60), светильников (л. 135об.), задостойников (л. 181), начало постного Обихода (л. 214), вечерней службы Великой субботы (л. 258) и Пасхи (л. 272), псалтирь певчую (л. 315). Этой же цели служат горизонтальные заставки и крупные красочные инициалы. В конце разделов помещены концовки в красках, развивающие те же мотивы северных птиц и цветов (рис. 4). Оформление Обихода в целом наиболее парадно, торжественно. Другие книги скромнее по внутреннему декору. Ирмологий отмечен только первым (в высоту листа) крупным инициалом в красках (рис. 5); Октоих – горизонтальной заставкой в начале великой вечерни 1-го гласа, выполненной тушью и красной краской (рис. 6), а также крупными киноварными заглавиями разделов.

Рис. 6. Оформление начала раздела 1-го гласа в крюковом Октоихе

Расположение названий книг на фронтисписе оставляет свободным место во внутренней плоскости заставки-рамки. Издатели используют это пространство для характеристики сборника, непосредственно продолжающей название. Эта характеристика различна по продолжительности. Самой

краткой является ремарка в Октоихе: «Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина», далее следует обозначение первой службы и первого в ней песнопения: «В субботу вечер на малей вечерни, на Господи возвах. Слава и ныне: богородичен. Глас 1».

В связи с отсутствием фронтисписа в Ирмологии название книги помещено непосредственно в заставку-рамку титула. Оно более пространно и естественным образом переходит в текст на обороте титульного листа: «Книга глаголемая Ирмолой, сиречь известное Божее чудотворение. // Творение пророческия проповеди. Сотворено по краегранесию во осмочастную степень, по высоковосходной лестнице. Творение великаго свтилника преподобного и богоноснаго отца нашего Иоанна Дамаскина. Воздвизает глас, слову же воспевает песнь о победе Божия чудотворения. Глас 1. Песнь 1. Ирмосы». Упоминание в обоих случаях имени Иоанна Дамаскина не случайно, оно отражает церковное предание, согласно которому именно этот святой является основоположником и законодателем системы осмогласия, являющегося ладомелодическим фундаментом православного церковного пения.

Самым объемным является текст в книге Обиход, разрастающийся до размеров предисловия, которое занимает не только оборот титульного листа, но и лицевую сторону 2-го листа. Здесь содержится поэтическая характеристика богослужебного пения с аллюзиями, отсылающими к посланиям апостола Павла (Ефес 229) и Херувимской песни, а также «устав» начала торжественной службы всенощного бдения и рекомендации певчим в соответствии с эстетическими установками на то, как следует исполнять божественные гимны: «Начало всенощнаго бдения великия вечерни. Еже есть // неусыпное славословие воздати на херувимех сидящему Превечному Царю и Причистой Богородицы, и всем святым Его угодником. Иже узакониша нам святии отцы и предаша Церкви. Сих по достоинству певати во псалмех и песнях и пениях духовных. Прибегше в земное небо, и вся мирская попечения оставим, и ум на небо вперим, и возжегше светилники своя сокрушенною душею присту//пим ко Всемогущему Богу, не силне ревыи, ни вереская, но со умиленным гласом воспевати. Собравшися в церковь и сядем киждо на седалищах своих. Таже глаголет диакон или параклисиарх: клеветаните, рекше встаните. Нам же воставшим иерею возгласившу: Слава Святей и Единосущней и Неразделимой Троице, всегда, и ныне и присно и во веки веков. И головшик речет: Аминь». Курсивом выделены цитата из

послания апостола Павла и вариация на текст Херувимской песни.

Содержание данного текста указывает на то, что возник он не в старообрядческой среде, а гораздо раньше. В нем отражены реалии, которые невозможны в беспоповском старообрядчестве, утратившем священство: упоминание лиц духовного звания – дьякона и иерея, свободная цитата из текста Херувимской песни, не исполняемой беспоповцами в связи с отсутствием литургии и обряда перенесения даров, возглас священника: Слава Святей..., – открывающий всенощную службу. Таким образом, опосредованно, через поморскую традицию, данный текст восходит к дораскольным временам и явно ориентирован на монастырское служение. Текст такого рода мог быть заимствован из более раннего протографа и сохранен в старообрядческом певческом сборнике, по видимому, в знак уважения древней традиции, возможно, восходящей к Соловецкому монастырю.

Состав книг также соответствует поморской рукописной традиции и, возможно, является наиболее полным вариантом ее представления.

Ирмологий включает 697 ирмосов осмогласника и праздников, а также розники 6-го гласа для канонов предпразднств Рождества Христова и Богоявления. Порядок их расположения внутри гласов и песней в целом наследует дореформенной традиции и тем самым отличается от порядка, принятого в поповских певческих книгах, где первоначально излагается ирмос воскресного канона гласа, затем праздничных и, наконец, канонов павечерницы. Число ирмосов в гласах и песнях различно, что связано с комбинаторным принципом формирования канонов, при котором одни ирмосы могут быть задействованы чаще других. Неотъемлемым признаком поморской традиции являются предваряющие каждый гласовый раздел таблицы-схемы, в которых указаны правила соединения ирмосов в каноны утрени и павечерницы на каждый день недели, а также завершающий книгу развернутый указатель ирмосов канонов Постной триоди.

Судя по составу **Октоиха**, его следует отнести к полной редакции. В разделе малой вечерни, помимо обычных двух богородичных на «Господи возвах» и на стиховне, присутствуют также три «ины стихиры Богородице». Великая вечерня представлена десятью стихирами на «Господи возвах», из которых три – воскресные, четыре «ины стихиры восточны», и три «ины стихиры Богородице Павла Аммодейского», и богородичном на «Господи возвах»; раздел стиховных включает одну воскресную стихирю, три «ины стихиры по

азведи» (по алфавиту) и богородичен. В утреню, кроме традиционных степенных антифонов и представленных в полном объеме хвалитных стихир, вошли такие жанры, как ипакои и прокимен. Сохранивший по традиции свое название раздел «литургии» включает блаженну. Имеющий во всех восьми гласов одинаковый текст богородичен «Проблагословенна еси» «на хвалитех» сохраняет свою осмогласную природу, тогда как в рукописях староверов-поповцев, да и в некоторых поморских рукописях, разнообразие его мелодики редуцировано до одного напева 2-го гласа. Отличительной чертой книги полного состава является наличие разделов богородичных и крестобогородичных на «Господи воззвах» и «на хвалитех» на все дни седмицы. Книга также включает традиционную подборку из 11 евангельских стихир и встречающийся гораздо реже отдельный блок из тропарей и богородичных воскресных восьми гласов.

Особой полнотой и разнообразием состава отличается книга **Обиход**. Она включает типичные для рукописной традиции этой книги разделы: последование великой вечерни и утрени; последование «четырнадцатницы» (Постный обиход); службу Пасхе и чин за упокой. Кроме них, в книгу в качестве дополнительных или внедренных в структуру перечисленных разделов вошли моножанровые подборки: величания, светильны на Господские и Богородичные праздники, светильны воскресные на 8 гласов, задостойники путевого и большого распева, тропари и кондаки праздникам Господским, Богородичным и нарочитым святым, псалтирь певчая. В разделе вечерни сконцентрирован блок песнопений-образцов, служащих для распевания большого объема литургических текстов: стихир «самогласны» на восемь гласов и «подобны», «памятогласия» «воззвахов» и запевов стихир.

Еще одной отличительной особенностью данного издания является отражение в нем такого качества древнерусской певческой культуры позднего периода, как многораспевность. Ни один список поморского Обихода не демонстрирует такого количества вариантов распева того или иного песнопения. Так, например, в преображенском Обиходе в трех мелодических версиях предстают песнь вечернего входа «Святая славы», прокимны дневные вечерни, прокимен великопостный «Не отврати лица». Тропарь Пасхе, богородичен «Богородице Дево, радуйся», прокимен великий «Дал еси достояние» даны в четырех вариантах; великий прокимен «Всякое дыхание» и песнопение, исполняющееся на пасхальной утрени после чтения Апостола «Воскресни Боже» – в пяти; песнопение

на отпуске той же службы «И нам дарова живот вечный» – в семи.

Мелодические варианты часто реализуются в рамках основного стиля – знаменного распева – и обозначены ремарками «ин», «ин превод», «ин роспев», «ин розвод», «ино знамя». В большом количестве встречаются и образцы других стилевых разновидностей поздней древнерусской модии: путь, демество, большой распев.

Помимо упомянутых выше самостоятельных разделов задостойников путевого и большого распевов, к этой разновидности относится объемная группа величаний, вторые варианты которых имеют ремарку «путь», а также ряд отдельных песнопений. В варианте путевого распева представлены песнопения «Буди имя Господне» в окончании вечерни, прокимен «Всякое дыхание», припевы по 50-й псалме «Молитв ради», «Достойно есть» (по 9-й песни канона), задостойники на молебне «Владычице, приими молитву» и на литургии Василия Великого «О тебе радуется, Обрадованная», стихира крестного хода «Воскресение Твое, Христе Спасе», Трисвятое, отпуст Пасхи. Демеством распеты прокимны в субботу вечер, «Всякое дыхание», «Кто Бог велий», припев «Слава Тебе, Господи» перед и после Евангелия на литургии, псалом 136 («ин розвод демеством»), задостойник и отпуст Пасхи, кондак за упокой и отпуст на панихиде; большим демеством – прокимен великий «Всякое дыхание». Большим распевом изложены прокимны в воскресенье вечер и «Всякое дыхание», антифон 4-го гласа «От юности моея», внегласовый вариант короткого песнопения «Свят Господь», «Единородный Сын» на литургии, Трисвятое в неделю Крестопоклонную, «Достойно есть» на часах, пасхальные песнопения: «Воскресение Твое, Христе Спасе», «Воскресни Боже», тропарь «Воскресения день» и отпуст, тропарь благовещению Богородицы; столповым большим знаменем – отпуст Пасхи.

Важно отметить, что путь и демество в поморском Обиходе изложены исключительно столповой нотацией. Здесь следует напомнить, что песнопения путевого и демественного распевов появляются в певческих рукописях на рубеже XV–XVI вв. Первоначально репертуар этих стилей (судя по ремаркам в рукописях, указывающим на вид распева) ограничивался небольшим числом песнопений. Путевой распев первоначально включал около 50 песнопений, среди них – стихира «Приидите, убожим Иосифа», задостойник «О Тебе радуется, Обрадованная», песнопение вместо Херувимской «Да молчит всякая плоть», Трисвятое и песнопения вместо Трисвятого «Елицы во

Христа креститесь», «Кресту твоему поклоняемся», песнь вечернего входа «Свете тихий», цикл величаний. К наиболее ранним образцам демества относятся псалмы 136, 103, кафизма «Блажен муж», полиелеос, прокимен великий «Всякое дыхание», задостойники Пасхи и двенадцатых праздников, песнопение литургии «Единородный Сын», многолетия, припев на панихиде «Вечная память».

Все эти песнопения записывались знаменной (столповой) нотацией, отчего и получили определения «путь столповой», «демество столповое». Во второй половине XVII в. репертуар обоих стилей значительно расширяется и становится почти равным репертуару знаменного распева; для записи песнопений формируется особая нотация – путевая, демественная, казанское знамя. Согласно музыковедческим исследованиям последнего времени оба этих явления связаны с возникновением ранних форм многоголосия, при этом мелодика песнопений, записанных путевой и демественной нотацией отличается от мелодики более ранних пути и демества столповых. Подробнее об истории и стилистике путевого и демественного распевов, а также о ранних формах русского церковного многоголосия см. [9, 10].

Из старообрядческих певческих книг образцы позднего путевого распева исчезают, демественный распев в соответствующей нотации сохраняется только в рукописях поповской традиции; беспоповские кодексы ограничиваются наиболее ранними вариантами пути и демества столповых, что является еще одной характерной приметой поморской редакции певческих книг.

Ряд содержательных моментов Обихода также указывает на северорусское происхождение рукописного протографа издания. Возможно, он каким-то образом связан с Соловецким монастырем или сферой влияния его наследия. Так, например, обращает на себя внимание факт включения песнопений основателям Соловецкой обители Зосиме и Савватию в разделы величаний, светильнов, тропарей и кондаков, при этом учтены все три даты празднований этим святым: 17 апреля ст. ст. – день памяти св. Зосимы, 27 августа ст. ст. – день памяти св. Зосимы, 8 августа ст. ст. – перенесение мощей св. Зосимы и Савватия Соловецких. И если среди величаний, посвященных русским святым, припевов немало, то в двух других разделах они единичны, и, следовательно, песнопения свв. Зосиме и Савватию оказываются размещенными здесь среди песнопений двенадцатых и великих праздников. Кроме того, в книге представлены созданные в Соловецком и некоторых других се-

верных монастырях мелодические варианты песнопений знаменного, путевого и демественного распевов: «Достойно есть» «тихфинский перевод», «Достойно есть на часах» – «тихфинский перевод», «кирилов перевод», «ин кирилов перевод»; задостойники на Пасху и Вознесение – «путь соловецкого монастыря», задостойник Пасхе «демество псковского перевода».

Таким образом, Обиход преображенной печати без преувеличения можно считать энциклопедией обиходных певческих жанров и стилей. Вряд ли все они в условиях старообрядческой беспоповской службы могли быть действительно востребованными. Задачей составителя данной певческой книги, либо ее рукописного протографа, на наш взгляд, было сохранение и передача будущим поколениям старообрядцев того мелодического богатства, которое на протяжении веков было накоплено русской средневековой певческой культурой, в том виде, как оно сложилось к периоду своего расцвета в конце XVI – первой половине XVII в. Тем не менее богатство и разнообразие представленных в книгах преображенной печати распевов отнюдь не исчерпывает всего репертуара песнопений, исполняемых странниками во время богослужений. В связи с этим неизбежно возникает вопрос, насколько достаточным для полноценного богослужения является то количество певческих книг, каким располагает общинная библиотека.

Для ответа на данный вопрос необходимо иметь полное представление о том, что и как поется на старообрядческой службе. Если иметь в виду тип интонирования – вокальный или близкую ему форму тонированной речи, – то на старообрядческой службе поется все, в том числе тексты, предназначенные условно для чтения (молитвы, тексты Священного Писания и проч.). Вокальная форма является канонически обусловленной для богослужения, это способ произнесения сакральных текстов, противопоставленный обыденной речи. Однако сказанное не означает, что все вокальные формы относятся к имеющему письменную фиксацию в певческих книгах знаменному распеву. Они многообразны, и значительная их часть бытует и хранится посредством устной трансляции. Таковы «погласицы» чтения Евангелия и Апостола и учительной литературы, простые формы обиходного напева, предназначенные, например, для припевов «Господи, помилуй», «Аллилуия», запево канонов, строк малого славословия и др.

Кроме того, в рамках самого знаменного распева предусмотрена система песнопений-моделей – мелодических образцов (политекстовых напевов), предназначенных для распевания большо-

го репертуара православной гимнографии. Важнейшими из них являются так называемые «самогласны» и «подобны», позволяющие заменить мелодически сложный знаменный вариант распева стихир на более простой речитативный без нарушения принципа гласовой принадлежности песнопения.

Наконец, необходимо иметь четкое представление о том, как происходит освоение знаменного распева. Особенности знаменной нотации даже в так называемый «пометный» период ее бытования делают весьма затруднительным процесс воспроизведения песнопения «с листа». На более раннем, беспометном этапе ее бытования, когда отсутствовали указания высоты неум, сам способ разучивания песнопения «по нотам» был просто невозможен. Новые песнопения разучивались только на слух с параллельным восприятием и запоминанием зрительного образа крюковой записи напева. Введение киноарных помет, которыми пользуются и современные старообрядцы, значительно упростило данный процесс, однако сама практика разучивания новых песнопений под руководством опытного учителя, с его голоса сохранилась до настоящего времени.

По сообщению носителей традиции, их в юности обучала крестная, хорошо знавшая пение и обладавшая красивым и «правильным» голосом. Она добивалась не только разучивания всего необходимого репертуара песнопений, но и прочного запоминания напевов. (Архив автора. Дневник экспедиции 2002. С. 4.) Подобный способ обучения при наличии определенных музыкальных способностей, которыми, несомненно, обладают наши исполнители, позволил сформировать в их памяти обширный мелодический фонд, из которого при необходимости можно почерпнуть требуемый напев. При этом постоянно или часто исполняемые на службе песнопения могут исполняться ими исключительно по памяти. Таковы, например, некоторые песнопения Обихода, прежде всего псалмы. Песнопения, исполняемые редко, достаточно легко вспоминаются при обращении к крюковой строке. В этом контексте интересно отметить следующий факт: выполняя нашу просьбу спеть ряд стилистически сложных песнопений из Обихода, опытные певцы не смогли воспроизвести их мелодию по крюкам, объяснив это тем, что никогда раньше их не разучивали.

Учитывая сказанное, различные формы пения распределяются относительно литургических текстов следующим образом. Тексты Священного Писания и учительная литература интонируются на «погласицы», бытующие в устной форме. Для

их «чтения» необходимы соответствующие служебные книги – Триодь, Минея. Поучения «читаются» также по книге «Златоуст». Те же служебные книги используются для пения стихир, которые исполняются на самогласен или подобен. Этот способ пения позволяет странникам обойтись без певческих Праздничного и Триодного стихирарей, а крюковой Октоих используется в тех редких случаях, когда у певчих возникнет желание спеть «в роспев», то есть знаменным распевом, тот или иной богородичен. К крюковому Обиходу певчие прибегают редко и в основном сверяются с вербальным, а не с музыкальным текстом. Самой востребованной из певческих книг остается Ирмологий: большое количество ирмосов, их мелодическое разнообразие, а также тот факт, что в традиции ирмосы не принято петь на «самогласен» (по модели), не позволяет певчим в данном случае опираться только на свою память.

Таким образом, наличия всего трех певческих книг вполне достаточно для осуществления полноценного богослужения, ориентированного на древнерусскую традицию. Более того, содержащаяся в них музыкальная информация реально востребована не в полном объеме, и зачастую такие книги, как Обиход или Октоих, выполняют своеобразную «справочную» или мнемоническую функцию: к ним периодически обращаются как к источнику музыкальной информации, которую необходимо припомнить. Одновременно рядовые служебные книги – Октоих, Минея, Триодь – в литургическом контексте берут на себя функции певческих сборников, компенсируя отсутствие своих нотированных аналогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мальцев А.И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. / Отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 268 с.
2. Мальцев А.И. Старообрядческие беспоповские согласия в XVIII – начале XIX в.: проблема взаимоотношений / Отв. ред. Н.Н. Покровский, Н.С. Гурьянова. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 572 с.
3. Дутчак Е.Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX в.) / Под ред. В.В. Керова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 414 с.
4. Мальцев А.И. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия // История церкви: изучение и преподавание. Материалы науч. конф., посвящ. 2000-летию христианства. 22–25 ноября 1999 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. С. 193–197.
5. Мальцев А.И. Проблемы церковной организации и управления в сочинениях староверов-странников (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Исторические и литературные памятники «высокой» и «низовой» культуры в России XVI–XX вв. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2003. С. 157–176.

6. *Казанцева Т.Г.* О формах хранения и передачи музыкально-теоретического знания у старообрядцев (по материалам певческих азбук из собрания Института истории СО РАН) // *Власть, общество и человек в исторических и литературных источниках XVI–XX вв.* / Отв. ред. Н.Н. Покровский; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. С. 79–98. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 30).

7. *Казанцева Т.Г.* Музыкально-теоретические руководства староверов-странников из собрания Института истории СО РАН // *Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв.* / Отв. ред. Е.К. Ромодановская; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т исто-

рии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 288–307. (Археография и источниковедение Сибири; вып. 29).

8. *Починская И.В., Мангелев П.И., Ануфриева Н.В.* Рукописные и старопечатные книги кириллической традиции: изучение, описание, хранение: Учеб. пособие / Отв. ред. И.В. Починская. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. 480 с.

9. *Пожидаева Г.А.* Певческие традиции Древней Руси: Очерки теории и стиля. М.: Знак, 2007. 876 с.

10. *Богомолова М.В.* Знаменная монодия и безлинейное многоголосие (на примере великой панихиды). Вып. II: Русское безлинейное многоголосие: Исследование, публикация, расшифровка. М.: ИД «Композитор», 2005. 304 с.